

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Посвящается Нэнси

Введение

ЧТО ТАКОЕ «МИРОВОЙ ПОРЯДОК»?

В 1961 году, будучи молодым ученым, я во время выступления на конференции в Канзас-Сити вспомнил президента Гарри С. Трумэна. На вопрос о том, какими достижениями своего президентства он более всего гордится, Трумэн ответил: «Тем, что мы целиком и полностью разгромили наших врагов, а затем вернули их обратно в сообщество наций. Мне приятно думать, что только Америке удалось нечто подобное». Сознавая огромное могущество Америки, Трумэн гордился в первую очередь американским гуманизмом и приверженностью демократическим ценностям. Он хотел, чтобы его запомнили не столько как президента победоносной страны, сколько как главу государства, примирившего врагов.

Все преемники Трумэна в той или иной степени следовали его убеждениям, отраженным в этой истории, и аналогичным образом гордились выше-названными составляющими американской идеи. Отмечу, что на протяжении многих лет сообщество наций, которое они всемерно поддерживали, существовало в рамках «американского консенсуса» — государства сотрудничали, неуклонно расширяя ряды данного мирового порядка, соблюдая общие пра-

вила и нормы, развивая либеральную экономику, отказываясь от территориальных завоеваний в пользу уважения национальных суверенитетов и принимая представительную демократическую систему управления. Американские президенты, причем их партийная принадлежность не имела значения, решительно призывали правительства других стран, нередко — весьма пылко и красноречиво — обеспечить соблюдение прав человека и поступательное развитие гражданского общества. Во многих случаях поддержка этих ценностей со стороны Соединенных Штатов и их союзников приводила к значительным преобразованиям в статусе населения конкретного государства.

Тем не менее сегодня у указанной системы, «основанной на правилах», возникли проблемы. Частые увещания, обращенные к прочим странам, призывы «внести посильный вклад», играть «по правилам двадцать первого столетия» и быть «ответственными участниками процесса» в рамках общей системы координат отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе, общего для всех понимания «посильного вклада» или «справедливости». За пределами западного мира те регионы, которые принимали минимальное участие в выработке нынешних правил, ставят под сомнение эффективность данных правил в их текущих формулировках и ясно демонстрируют готовность приложить все усилия, чтобы изменить упомянутые правила. Таким образом, «международное сообщество», к которому сегодня призывают, возможно, более настойчиво, чем в любую другую эпоху, не в состоянии согласовать — или хотя бы договориться — об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и ограничений.

Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам, а вместе с тем формируется беспрецедентная взаимозависимость: распространение оружия массового уничтожения, дезинтеграция бывших государств, последствия хищнического отношения к окружающей среде, сохранение, к великому сожалению, практики геноцида и стремительное внедрение новых технологий угрожают усугубить привычные конфликты, обострить их до степени, превосходящей человеческие возможности и границы разума. Новые способы обработки и передачи информации объединяют регионы как никогда прежде, проецируют местные события на глобальный уровень — но так, что препятствуют их полноценному осмыслению, в то же время требуя от государственных лидеров моментальной реакции, хотя бы в форме лозунгов. Неужели мы вступаем в новый период, когда будущее станут определять силы, не признающие ни ограничений, ни какого-либо порядка вообще?

Разновидности мирового порядка

Не будем лукавить: по-настоящему глобального «мирового порядка» никогда не существовало. То, что признается ныне за таковой, сложилось в Западной Европе почти четыре столетия назад, его основы были сформулированы на мирных переговорах в немецкой области Вестфалия, причем без участия — или даже внимания — большинства стран на других континентах и большинства иных цивилизаций. Столетие религиозных распрей и политических потрясений в Центральной Европе достигло кульминации в Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов; это был «миро-

вой» пожар, в котором смешались политические и религиозные противоречия; в ходе войны сражающиеся прибегали к «тотальной войне»* против ключевых населенных пунктов, и в результате Центральная Европа лишилась почти четверти населения — из-за боевых действий, болезней и голода. Истощенные противники встретились в Вестфалии, чтобы договориться о совокупности мер, призванных остановить кровопролитие. Религиозное единство дало трещину благодаря утверждению и распространению протестантизма; политическое многообразие явилось логичным следствием многочисленности независимых политических единиц, которые участвовали в войне. В итоге получилось так, что Европа первой восприняла привычные условия современного мира: разнообразие политических единиц, ни одна из которых не обладает мощностью, достаточной для того, чтобы победить всех остальных; приверженность противоречивым принципам, идеологическим воззрениям и внутренним практикам, и все стремятся обрести некие «нейтральные» правила, регулирующие поведение и смягчающие конфликты.

Вестфальский мир следует трактовать как практическое приближение к реальности, он вовсе не демонстрирует какого бы то ни было уникального нравственного осознания. Этот мир опирается на существование независимых государств, которые поддерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и ам-

---

* Вестфальский мирный договор был подписан в середине XVII века, а концепция тотальной войны разработана немецкими военными теоретиками в начале XX века; эта концепция исходила из факта, что современная война перестала быть сражением армий и стала сражением наций — одно государство, мобилизуя все доступные ресурсы, побеждает другое, сокрушая его «дух». (*Прим. перев.*)

биции прочих с принципом общего равновесия власти. Никакое единоличное притязание на обладание истиной, никакое универсальное правило не сумели воцариться в Европе. Вместо этого каждое государство обзавелось суверенной властью над своей территорией. Каждое соглашалось признавать внутренние структуры и религиозные убеждения соседей как жизненные реалии и воздерживалось от оспаривания их статуса. Подобный баланс сил отныне рассматривался как естественный и желательный, а потому амбиции правителей выступали противовесом друг другу, по крайней мере в теории ограничивая масштабы конфликтов. Разделенность и многообразие (во многом случайно сложившиеся в развитии европейской истории) стали отличительными признаками новой системы международного порядка — с собственным мировоззрением, собственной философией. В этом смысле усилия европейцев по тушению их «мирового» пожара способствовали формированию и послужили прототипом современного подхода, когда от вынесения абсолютных суждений отрекаются в пользу практичности и экуменизма*; это попытка выстроить порядок на разнообразии и сдерживании.

Переговорщики семнадцатого века, составлявшие условия Вестфальского мира, не предполагали, разумеется, что закладывают основы глобальной системы, которая раскинется далеко за пределы Европы. Они даже не попытались привлечь к этому процессу соседнюю Россию, которая в ту пору устанавливала собственный новый порядок после невзгод Смутного времени, причем возводила в закон принципы, карди-

---

* Экуменизм — единство в многообразии, принцип сосуществования различных христианских церквей. В данном случае вместо авторского термина было бы логичнее использовать определение «мультикультурализм». (Прим. перев.)

нально различавшиеся с вестфальским балансом сил: абсолютная монархия, единая государственная религия — православие и территориальная экспансия во всех направлениях. Впрочем, и другие крупные центры силы не воспринимали Вестфальские соглашения (насколько они были вообще осведомлены об этих соглашениях) как имеющие отношение к их территориям и владениям.

Идея мирового порядка была реализована на географическом пространстве, известном государственным деятелям того времени; подобный подход регулярно реализуется во многих регионах. Это в значительной мере объясняется тем, что тогдашние доминирующие технологии несколько не способствовали созданию единой глобальной системы — сама мысль о последней представлялась непозволительной. Не имея средств взаимодействовать друг с другом на постоянной основе, не располагая возможностями адекватно оценивать «температуру могущества» европейских регионов, каждая суверенная единица трактовала собственный порядок как уникальный, а всех прочих расценивала как «варваров» — которыми управляют в манере, неприемлемой для существующего строя и потому рассматриваемой в качестве потенциальной угрозы. Каждая суверенная единица считала свой порядок идеальным лекалом для общественной организации человечества в целом, воображая, что своим способом управления упорядочивает мир.

На противоположном конце евразийского материка Китай сотворил собственную, иерархическую и теоретически универсальную, концепцию порядка — с собой в ее центре. Китайская система развивалась на протяжении тысячелетий, существовала уже тогда, когда Римская империя правила Европой как единым целым, опираясь не на равенство суверенных

государств, а на предполагавшуюся беспредельность притязаний императора. В китайской концепции понятие суверенитета в европейском понимании отсутствовало, поскольку император властвовал над «всей Поднебесной». Он являлся вершиной политической и культурной иерархии, отлаженной и универсальной, которая распространялась от центра мира, каковым являлась китайская столица, вовне, на остальное человечество. Окружающие Китай народы классифицировались по степени варварства, в том числе на основании их зависимости от китайской письменности и культурных достижений (эта космография благополучно дожила до современной эпохи). Китай, с китайской точки зрения, должен повелевать миром, прежде всего вызывая благоговение других обществ своим культурным величием и экономическим изобилием, вовлекать эти другие общества в отношения, которые, при надлежащем управлении, способны привести к цели — достижению «поднебесной гармонии».

Если рассматривать пространство между Европой и Китаем, необходимо отметить главенство на этой территории универсальной концепции мирового порядка, которую предложил ислам — с мечтой о едином, санкционированном Богом правлении, объединяющем и примиряющем мир. В седьмом веке ислам утвердился на трех континентах благодаря беспрецедентной «волне» религиозной экзальтации и имперской экспансии. После объединения арабского мира, захвата остатков Римской империи и подчинения Персидской империи* ислам стал главенству-

---

* Имеется в виду государство Сасанидов на территории современных Ирака и Ирана (в период расцвета занимало территорию от Александрии в Египте до Пешавара в Пакистане), существовавшее до середины VII столетия и уничтоженное Арабским халифатом. (*Прим. перев.*)

ющей религией на Ближнем Востоке, в Северной Африке, во многих областях Азии и части Европы. Исламская версия универсального порядка предусматривала распространение истинной веры на всю «территорию войны»*, как мусульмане именовали земли, населенные неверными; миру суждено стать единым и обрести гармонию, внемля слову пророка Мухаммада. Пока Европа выстраивала свой мультигосударственный порядок, Османская империя, с метрополией в Турции, возродила эту претензию на единоличное «боговдохновенное» правление и распространила свою власть на арабские земли, бассейн Средиземного моря, Балканы и Восточную Европу. Она, конечно, уделяла внимание зарождающейся межгосударственной Европе, но вовсе не считала, что наблюдает модель для подражания: в европейских договоренностях османам виделся стимул для дальнейшей османской экспансии на запад. Как выразился султан Мехмед II Завоеватель, увещевая итальянские города-государства, этот ранний образчик многополярности в пятнадцатом веке: «Вас двадцать городов... Вы вечно препираетесь между собою... Должна быть одна империя, одна вера, одна власть во всем мире».

Между тем на противоположном от Европы побережье Атлантического океана, в Новом Свете, закладывались основы иного представления о миро-

---

* «Территория войны» (Дар-аль-харб) — в исламском богословии земли, где большинство населения составляют неверные, не исповедующие ислам и ему враждебные. «Территории войны» противопоставляется Дар-аль-ислам — «территория ислама»; между ними находится Дар-ас-сульх — «территория перемирия», где в Аллаха не верят, но мусульман не преследуют. Ни в Коране, ни в хадисах (изречениях) Пророка о подобном делении мира не упоминается; считается, что эту концепцию ввели в обращение богословы XIII–XIV веков. (Прим. перев.)

устройстве. Европу семнадцатого столетия охватили политические и религиозные конфликты, и пуритане-переселенцы изъявили решительное намерение «исполнить Божий план» и реализовать его в «отдаленной глуши», дабы освободиться от соблюдения установлений существующей (и, по их мнению, «негодной») структуры власти. Там они собирались строить, если цитировать губернатора Джона Уинтропа, который проповедовал в 1630 году на борту корабля, направляющегося в поселение Массачусетс, «град на холме», вдохновляя мир справедливостью своих принципов и силой своего примера. В американском видении мирового порядка мир и баланс сил достигаются естественным путем, древние распри и вражду надлежит оставить в прошлом — едва другие народы усвоят те же самые принципы правления, что и американцы. Задача внешней политики, таким образом, состоит не столько в отстаивании сугубо американских интересов, сколько в распространении общих принципов. Со временем Соединенные Штаты превратились в главного защитника того порядка, который сформулировала Европа. Тем не менее, пусть США подкрепляют своим авторитетом европейские усилия, налицо некая двойственность восприятия — ведь американское видение опирается не на принятие европейской системы сбалансированной власти, а на достижение мира посредством распространения демократических принципов.

Среди всех вышеупомянутых концепций принципы Вестфальского мира рассматриваются — в рамках этой книги — в качестве единственной общепризнанной основы того, что можно определить как существующий мировой порядок. Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве «каркаса» межгосударственного и международного порядка,

охватывающего различные цивилизации и регионы, поскольку европейцы, расширяя границы своих владений, всюду навязывали собственные представления о международных отношениях. Они частенько «забывали» о понятии суверенитета по отношению к колониям и колонизируемым народам, но когда эти народы начали требовать независимости, их требования основывались именно на вестфальской концепции. Национальная независимость, суверенная государственность, национальные интересы и невмешательство в дела других — все эти принципы оказались эффективными доводами в спорах с колонизаторами, причем как в ходе борьбы за освобождение, так и при защите новообразованных государств.

Современная, ныне глобальная Вестфальская система — которую сегодня принято именовать мировым сообществом, — стремится «облагородить» анархическую сущность мира с помощью обширной сети международных правовых и организационных структур, призванных содействовать открытой торговле и функционированию стабильной международной финансовой системы, установить общие для всех принципы урегулирования международных споров и ограничить масштабы войн, когда те все-таки случаются. Эта межгосударственная система в настоящее время охватывает все культуры и регионы. Ее институты предоставляют нейтральные рамки взаимодействия различных обществ — в значительной степени независимо от исповедуемых в конкретных обществах ценностей.

При этом вестфальские принципы оспариваются со всех сторон, иногда, как ни удивительно, во имя мирового порядка. Европа намеревается отойти от системы межгосударственных отношений, которую сама спроектировала, и придерживаться впредь концеп-

ции объединенного суверенитета*. По иронии судьбы, Европа, которая придумала концепцию баланса власти, теперь сознательно и существенно ограничивает власть своих новых институтов. Сократив собственное военное могущество, она практически утратила способность адекватно реагировать на попираание этих универсалистских норм.

На Ближнем Востоке джихадисты обоего толка, как сунниты, так и шииты, продолжают разделять общества и демонтировать национальные государства в стремлении к глобальной революции на основе фундаменталистских версий мусульманской религии. Само понятие государства, наряду с основанной на нем региональной системой отношений, находится ныне в опасности, его атакуют идеологии, отвергающие налагаемые государством ограничения как незаконные, и террористические формирования, которые в ряде стран оказываются сильнее вооруженных сил правительства.

Азия, отчасти добившаяся наиболее удивительных успехов среди регионов, которые приняли концепцию суверенной государственности, до сих пор ностальгирует по альтернативным принципам и демонстрирует миру многочисленные примеры регионального соперничества и исторических притязаний наподобие тех, что подрывали европейский порядок сто лет назад. Почти каждая страна считает себя «молодым драконом», провоцируя разногласия на грани открытой конфронтации.

Соединенные Штаты то прилагают усилия по отстаиванию вестфальской системы, то критикуют ее

---

* Имеется в виду передача значительной части полномочий государственной власти в суверенном национальном государстве наднациональной структуре, в данном случае — Европейскому союзу. (*Прим. перев.*)